

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ГОРОДА ТЕЙШЕБАНИИ

А. А. МАРТИРОСЯН

1. ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ ГОРОДА

Жилые кварталы города Тейшебани — одного из крупнейших урартских центров Араратской равнины, — почти непрерывно исследуемые начиная с 1948 г., представляют собой первоклассный источник по истории урартских периферийных городов.

Археологическими раскопками, произведенными до 1957 г., были затронуты отдельные участки пяти центральных кварталов, выявлены общая планировка, система расположения оборонительных сооружений и различных частей города, обследованы группы однотипных квартир, сооружения подсобного характера, малые и большие особняки и т. п.¹

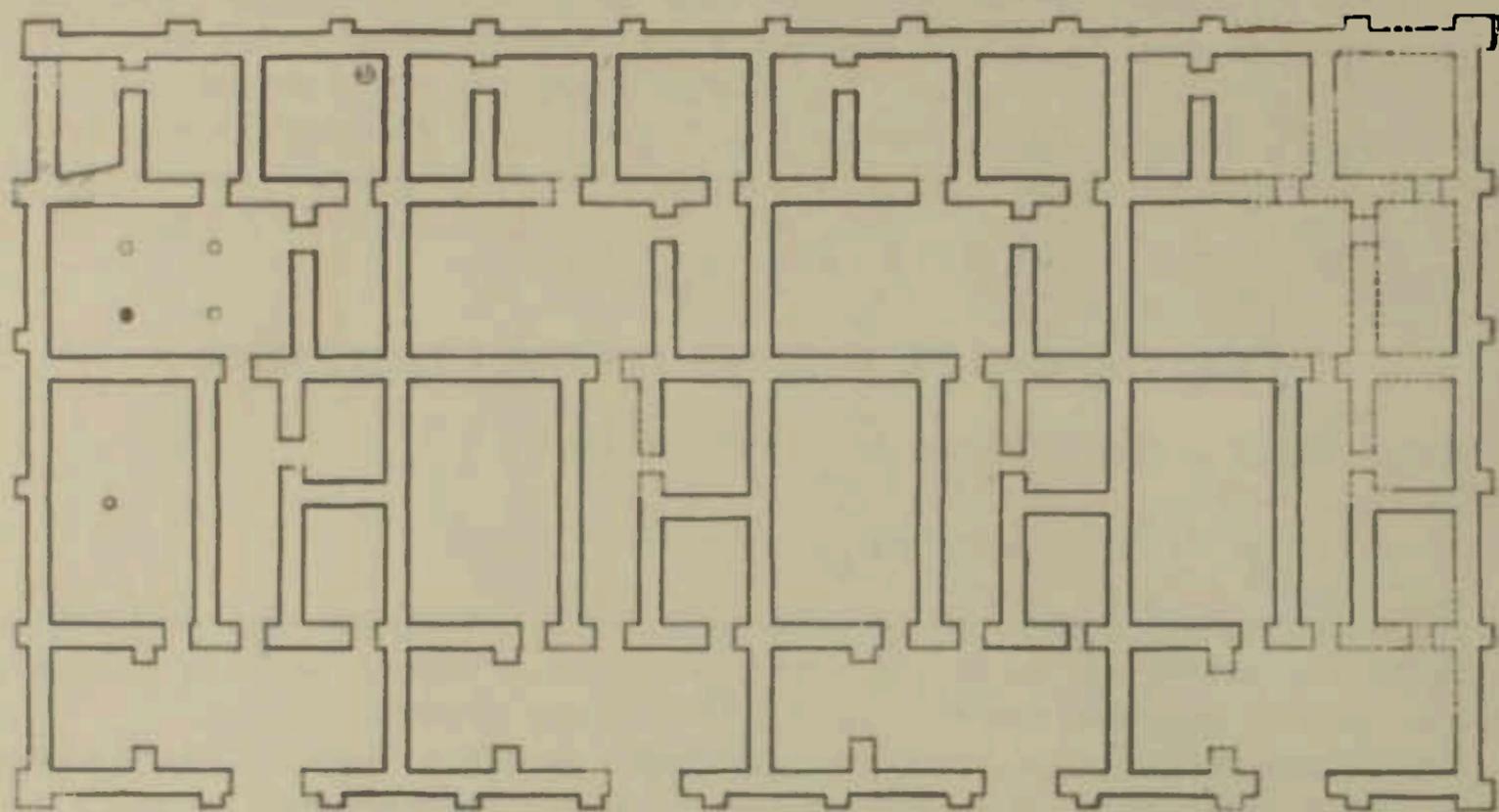
Однако все это — лишь первые плоды по изучению города Тейшебани; предстоит еще большая работа по исследованию упомянутых выше кварталов и по раскопкам не обследованных участков этого грандиозного археологического памятника.

За последние три года (1959—1961) наряду с остатками доурартских слоев были затронуты исследованием юго-восточный и юго-западный участки Тейшебани.

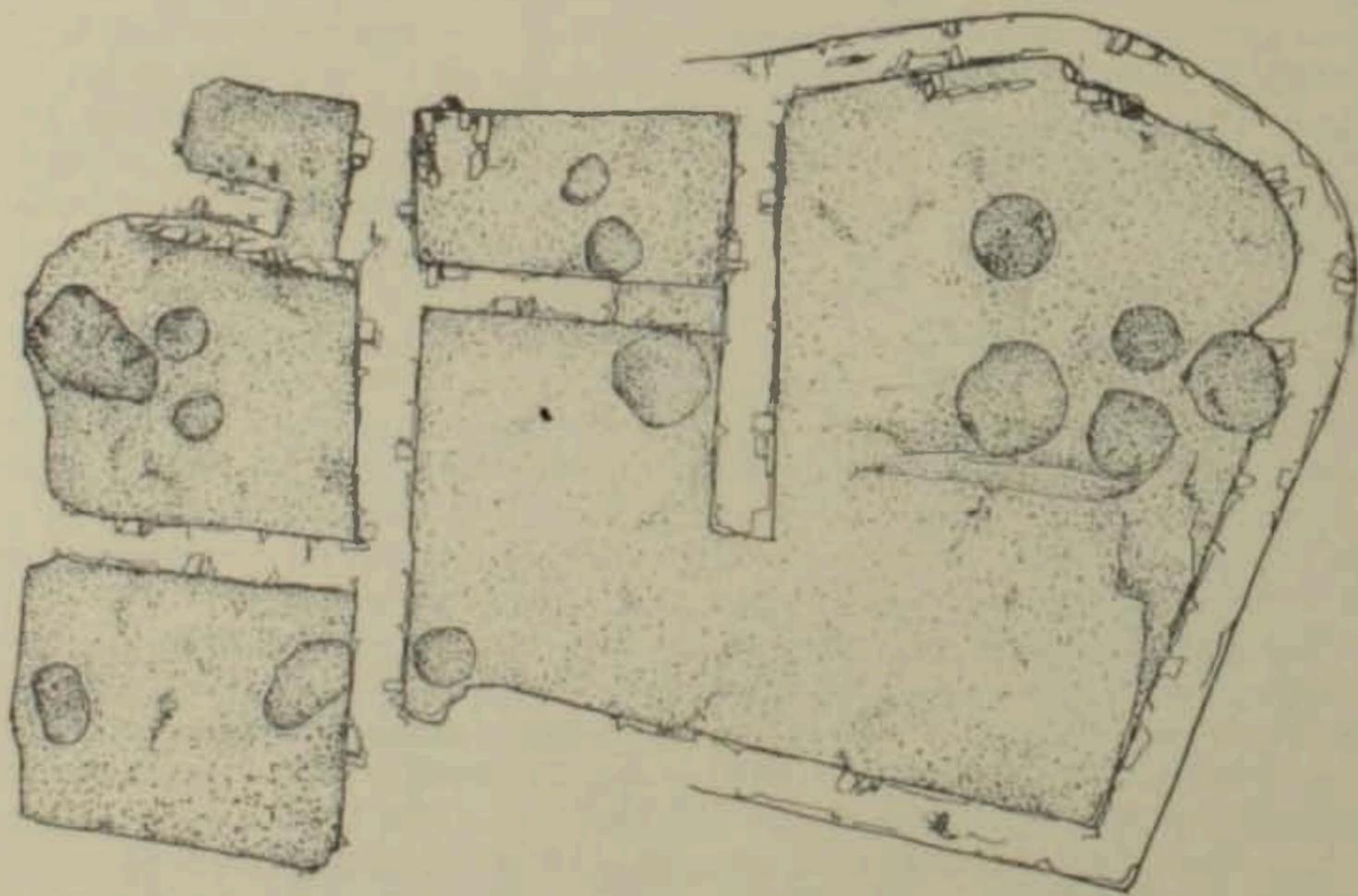
Юго-восточный квартал, расположенный между восточной оборонительной стеной города и внутригородской оградой, тянувшейся от главных ворот цитадели в юго-восточном направлении, является одной из больших и самых укрепленных частей Тейшебани на подступах главных ворот цитадели. Он был застроен крупными и мелкими домами, фундаменты которых прослеживаются на дневной поверхности и свидетельствуют о принадлежности этих домов к типам обычных построек урартского города. Обследованием этого участка (1959—1960) выявлены контуры упомянутой выше внутригородской ограды, которая оканчивается массивной башней с профилированными углами и имеет мелкие контрфорсы на всем своем протяжении (50—60 метров). Помимо этого, раскопаны развалины примыкавшего к стене сооружения, сохранившаяся часть которого состояла самое меньшее из шести помещений, многократно перестроенных и разрушенных (окончательно, по-видимому, еще при урартах) и не сохранивших ничего интересного для изучения. Под стенами этого сооружения был выявлен четырехметровый мощный культурный слой доурартского поселения, который мы рассмотрим ниже.

Наиболее интересным оказался юго-западный квартал, отделенный от других частей города восточно-западной внутригородской стеной, оврагами с юга и каньоном реки Илдаруниа (Раздан) с запада. На этом участке выявлены остатки шести очень крупных капитальных построек, которые сильно отличаются от домов других кварталов и гармонируют с архитектурой цитадели Тейшебани. Ныне ведутся раскопки одного из этих строений, представляющего собою уникальный памятник урартской гражданской архитектуры. Это очень большое, прямоугольное здание с площадью более 2000 квадратных метров (62 × 33 м), расположенное на холме, у края ложбины, отделяющей древний Тейшебани от современного кладбища Орджоникидзевского района г. Еревана. Здание своей длинной осью направлено с юга на север, а продолговатые фасады

¹ Результаты работ, произведенных отрядом Кармирблурской археологической экспедиции до 1957 г., обобщены нами в книге «Город Тейшебани» (Ереван, 1961, стр. 106—127).

План многосекционного дома. ЮЗ квартал (обмер арх. Б. Арзуманяна и Ш. Азатяна).

План II комплекса доурартских жилищ (обмер арх. Ш. Азатяна и Б. Арзуманяна).

смотрят на запад и восток. Прямые линии глухих наружных стен разбиты на мелкие контрфорсы ($55 \times 1,1$ сантиметра) с миниатюрными угловыми башенками. Широкие входные проемы (3 метра), оставленные симметрично в восточной стене, имели, вероятно, арочное перекрытие. Судя по ширине этих проемов, по масштабам больших помещений площадью до 60—70 квадратных метров и по многочисленности контрфорсов (24 и 4 башни), имеющих архитектурное и конструктивное значение, высота исследуемого здания достигала значительных размеров (минимально до 5—6 метров). Скупые, лаконичные приемы внешнего оформления, арочный верх входных проемов и значительная высота придавали зданию величественный и строгий вид.

Очень четкая и простая внутренняя планировка, вполне гармонирующая с внешним оформлением сооружения, свидетельствует о высоком развитии архитектурной мысли в Урарту. Именно здесь впервые в истории архитектуры Урарту выступает типовой проект здания, состоящего из четырех изолированных весьма идентичных секций, заключающих по 10 крупных и мелких помещений общей площадью в 500 квадратных метров каждая. Плановая композиция четырех секций с восемью большими помещениями, украшенными деревянными колоннами, с 24 малыми помещениями подсобного назначения и четырьмя распределительными залами и коридорами решена вполне грамотно, с наибольшим удобством расположения, без излишеств и потери площади. Из четырех секций полностью расчищена лишь одна. Широкий дверной проем ведет в распределительный зал ($15 \times 5,2$), расположенный вдоль восточного фасада и разделенный на два отделения (помещения № 34 и 36) поперечными пилонами, над которыми некогда, вероятно, возвышалась кирпичная арка. Почти симметричные узкие дверные проемы (1,1 метра) в западной стене распределительной комнаты соединяют ее с группой перпендикулярно расположенных помещений с узким длинным коридором ($10,2 \times 2,5$ метра) в центре (помещение № 35). К югу от последнего находится большой зал с базой от колонны, разбивающей десятиметровый пролет ($10,2 \times 6,3$). Пол выложен из базальтовых плит неправильной формы, на которых в углу сохранились остатки очага (пом. № 37). К северу размещались два примерно квадратных в плане и почти равномерных помещения № 33 и 33а ($5 \times 3,6$ метра; $4,5 \times 3,6$ метра). Далее снова попадаем в большой зал (помещение № 38, $10,3 \times 6,3$ метра) с четырьмя великолепно отесанными профилированными базальтовыми базами от деревянных колонн и в продолговатую комнату, соединенную с ним (помещение № 32, $6,3 \times 2,7$). К западному фасаду здания примыкают последние три комнаты рассматриваемой секции: две соединены с колонным залом, одна — с продолговатой комнатой (помещения № 31, 39 и 40). Помещение № 40, самое маленькое ($2,6 \times 5,1$ метра), имело круглый очаг, выложенный из булыжника, подпятник у дверного проема и одну пока необъясненную инженерную деталь.

Каменные базы в больших помещениях, расположенных симметрично во всех секциях по центральной оси здания, не оставляют сомнения, что помещения эти освещались сверху, через световые колодцы, которые встречались еще в доурартской архитектуре и впоследствии широко применялись в домостроительстве Армении. Возможно также, что наличием световых колодцев нужно объяснить столь частые находки среднего размера каменных чанов с отверстием в центре, которые могли играть роль примитивных дренажных приспособлений.

Проблеме освещения помещений придавалось, по-видимому, огромное значение. Поэтому два из крупных помещений каждой секции располагались на восточной стороне; при этом одно из них имело очень широкий дверной проем и три входа в противоположной стене, откуда обильно проникали солнечные лучи. Подобные широкие просмы в Двуречье закрывались плетеными циновками, сматывающимися в валик, или дверными створками, не закрывающими всю высоту проема. Третий зал, в западной части здания, имел четыре колонны и освещался сверху. Плоское перекрытие здания состояло, вероятно, из бревенчатого наката, циновок или прутьев и кладки сырцовых кирпичей, могущих обеспечить сток воды по керамическим желобам или трубам. Исключение — лишь покрытие типа «согомакаш» четырехколонных помещений, возвышающееся над остальной частью кровли, что было удобно и для устройства водостока.

Таким образом, план и конструкции отдельных блоков большого урартского дома содержат в себе элементы домостроительства Египта и Месопотамии, но не имеют прямых аналогий в известном древневосточном материале. По особенностям планировки рассматриваемый большой дом приближается скорее к схеме Бит-Хилани (дворец в Иерихоне), характерной для северной Сирии и северной Месопотамии. Остатки большого прямоугольного сооружения (59×29 метров) с портиком в центре фасада, тремя противоположными дверными проемами и десятью помещениями, обнаруженные в Антиохийской долине на холме Тель-Таинат и датируемые IX—VIII вв. до н. э., сильно напоминают планировку исследуемого в Тейшебаини большого дома². Подобное сопоставление нам кажется логичным и не лишены основания, поскольку целый ряд археологических данных свидетельствует о близости раннеурартской дворцовой и крепостной архитектуры именно к сиро-хеттской и северомесопотамской. Это явление могло быть обусловлено близкими естественно-климатическими условиями и особенностями рельефа. Нам представляется, что характерными чертами названных районов Передней Азии и Армении являются отсутствие центральных дворов с галереей, устройство дверных проемов в длинных стенах и очагов у торцовых стен. Таким образом, ядром урартского дома являлось бы помещение с очагом, а не открытый двор, более характерный для южной Месопотамии, или центральный двор с колоннадой, как это наблюдается в Египте.

В отличие от многих сооружений города Тейшебаини раскапываемое ныне большое здание воздвигнуто не на развалинах доурартских жилищ, а на материковом слое, сложенном из крупнозернистой глины, песка и галечника. Особо ответственные капитальные стены заложены в углубленном грунте, представлявшем собою нечто вроде фундамента. Сохранившиеся на высоте 1 метра (в среднем) цокольные ряды кладки стен выложены очень аккуратно из подквадратных блоков базальта среднего размера, на глиняном растворе с примесью щебня и гальки. Ширина стен у дверных проемов и длина контрфорсов составляет 1,1 метра, ширина контрфорсов и углов у дверных проемов равняется 55 сантиметрам, т. е. одному или двум локтям. Подобные размеры каменной кладки были обусловлены устройством верхних частей здания, сооруженного в основном из сырцовых кирпичей, остатки которых сохранились местами иногда в три ряда в высоту и четыре ряда в длину (4,2—2,2). Хорошо сохранившаяся кирпичная кладка рядом стоящих двух домов (до высоты 1,5—2,0 метра) указывает на то, что светлые, вероятно оштукатуренные, стройные кирпичные сооружения юго-западного квартала города Тейшебаини резко контрастировали с низкими каменными постройками центральной части города и гармонировали с мощными архитектурными формами цитадели, доминировавшей на левобережной долине Илдаруниа (Раздан). Дома эти напоминали высокие с купольным верхом жилые здания Вавилона, фасады которых представляли собою массивы с входной арочной дверью, без окон и других проемов.

Внешнее оформление этого большого типового здания, особенности планировки и все внутренние детали указывают на то, что этот замечательный дом являлся жильем далеко не рядовых урартов. Такая принадлежность его подтверждается не только замечательным внешним оформлением, отличающимся от большинства скромных жилищ города, но и функциональным назначением многочисленных, хорошо отделанных помещений. Судя по находкам обломков крупных зернотерок и ступ, среднего размера сосудов, вкопанных в земляной пол, и остатков крупного глиняного очага, вмазанного в пол, в помещении № 34, по обнаружению каменного очага, баз от колонн и многочисленных обломков одноручных красноангобарованных кувшинов и мелких горшков в помещении № 37, по находкам фрагментов мелких урартских сосудов и каменного чана и остатков глиняного переносного очага-жаровни в помещении № 38 с четырьмя великолепными базальтовыми базами,— все эти большие комнаты являлись отделениями жилой части первого блока здания. В пяти более мелких помещениях, окаймляющих жилую часть первого блока (№ 33, 33а, 32, 31, 39), не оказалось ни очагов, ни орудий хозяйства, могущих указать на жилое назначение этих помещений. Некоторые из этих

² «Всеобщая история архитектуры». Т. I, М., 1944, стр. 120.

помещений оказались пустыми (№ 32, 33а), в других же были выявлены фрагменты крупных «пивных» сосудов, толстостенные обломки 4—5 светло-глиняных простых чанов большого диаметра, ряд фрагментов больших горшков и карасов с треугольными вырезами, а также днище караса емкостью 800—1000 литров. Все эти крупные сосуды были предназначены скорее для хранения сельскохозяйственных продуктов, чем для их обработки. Именно подобными крупными сосудами были заставлены богатые кладовые цитадели города Тейшебани. Многочисленность кладовых является как раз показателем высокого достатка хозяев этого здания, во всех секциях которого находилось не менее 20 подсобных помещений общей площадью около 400 квадратных метров. Последнее, 40-е помещение дома являлось, вероятно, пекарней. Здесь, кроме круглого очага с плоской плитой на дне и сосуда, вкопанного в земляной пол рядом с очагом, был найден плоский каменный кружочек с отверстием в центре, напоминающий форму местных армянских лепешек.

Разумеется, часть наших наблюдений и выводов имеет сугубо предварительный характер, не только потому, что раскопки исследуемого здания еще не завершены, но и потому, что это грандиозное здание было заброшено, по-видимому, еще при существовании города Тейшебани то ли в результате набега врагов, то ли вследствие каких-то других причин. В силу этих обстоятельств многие архитектурные и археологические детали не оказались *in situ*, затрудняя тем самым четкое и окончательное определение функционального назначения каждого из помещений. Одна из четырех баз колонного помещения оказалась в углу соседней маленькой кладовки, одна — *in situ*, другие две были разбиты на мелкие куски и оставлены на месте. Каменный чан, находившийся первоначально в точке пересечения диагоналей колонн (в центре верхнего светового колодца), был обнаружен у южной стены. В разных помещениях оказались обломки верхних частей крупного караса, днище которого было вкопано в земляной пол кладовки № 31, и так далее. Вскрытие помещений других секций большого здания несомненно внесет определенные коррективы в предложенную выше предварительную реконструкцию. Но, независимо от этого, нет никаких сомнений относительно принадлежности рассмотренного выше большого здания представителям урартской верхушки. Возможно, что весь юго-западный квартал вокруг большого дома принадлежал военно-административной знати города, проводившей политику государства по упрочению урартской власти на периферии, по захвату новых земель, сбору дани, организации публичных работ и т. п. На это указывает наличие трех частично вскрытых при земляных работах крупных домов и четвертого большого здания, раскопанного полностью в 1962 г.

Сопоставление этих данных с материалами раскопок других кварталов приводит к установлению весьма разнородной социальной структуры населения города. Так, остатки первых двух кварталов (работы В. С. Сорокина и К. Л. Оганесяна), расположенных на северной и южной сторонах главной улицы, представляли собой комплексы примыкавших друг к другу жилищ под единой крышей. Каждый дом состоял из трех сообщающихся жилых помещений. Отличительным признаком сооружений этих двух кварталов являлось отсутствие каких-либо помещений для скота и хранения сельскохозяйственных продуктов. Следовательно, обитавшая в этих кварталах часть населения города не имела собственного хозяйства и жила на государственном довольствии. Упомянутые типовые постройки принадлежали несомненно воинам урартского гарнизона, пользовавшимся сравнительно высоким достатком и свободой³.

Принципиально иную картину представляют остатки двух других кварталов, обследованных нами в 1955—1957 гг., по обе стороны той же главной улицы, южнее ранее открытых участков. Ядро одного из этих кварталов представляло собой большой особняк площадью около 400 квадратных метров («дом знатного урарта»), состоящий из целого комплекса замечательных помещений жилого и хозяйственного назначения, построенных с полным учетом принципов урартской архитектуры и строительной техни-

³ См. В. С. Сорокин. Археологические данные для характеристики социально-экономического строя Урарту. ВДИ, № 2, 1952, стр. 128.

ки. К этому большому дому с запада примыкали шесть помещений, резко отличных от урартских построек планировкой, строительной техникой и некоторыми архитектурными особенностями. Возможно, что эти жалкие хижины принадлежали самому бедному, притом неурартскому, населению города.

Из отдельных домов состоял и четвертый квартал города, где зафиксировано несколько домов, обследован пятикомнатный особняк с жилыми, хозяйственными помещениями и портиком, а также два отделения другого сооружения.

Все это указывает на существование в городе Тейшебани определенных социальных пррстоек свободного населения с большим процентом зажиточных горожан, пользовавшихся более высоким достатком, чем воины гарнизона или основная масса рядового населения города. Совершенно не выясненными остаются вопросы наличия рабов, их удельного веса, их доли в производстве материальных благ и в общественной жизни. Об этом пока что ничего не говорят и письменные источники.

Социальная структура населения Тейшебани, размещение отдельных, иногда изолированных кварталов, наличие великолепной крепости и многие другие детали подтверждают высказанное нами ранее предположение о том, что Тейшебани действительно являлся не военным городком или поселением городского типа, а городом. Об этом говорят также общий облик различных жилых сооружений, прямые и ровные улицы, оборонительные стены, следы трассировки улиц и отдельных сооружений, наличие межквартальных внутригородских стен и пр. По общему своему облику город Тейшебани подходит, вероятно, к современным ему ассирийским городам в Калахе и Дур-Шаррукине, служившим скорее сезонными резиденциями царей, построенными по единому заданию. Эти города отличались четким квадратным планом, прямолинейным расположением улиц и поквартальным размещением жилищ. Оборонительные стены их имели фланкирующие башни и контрфорсы.

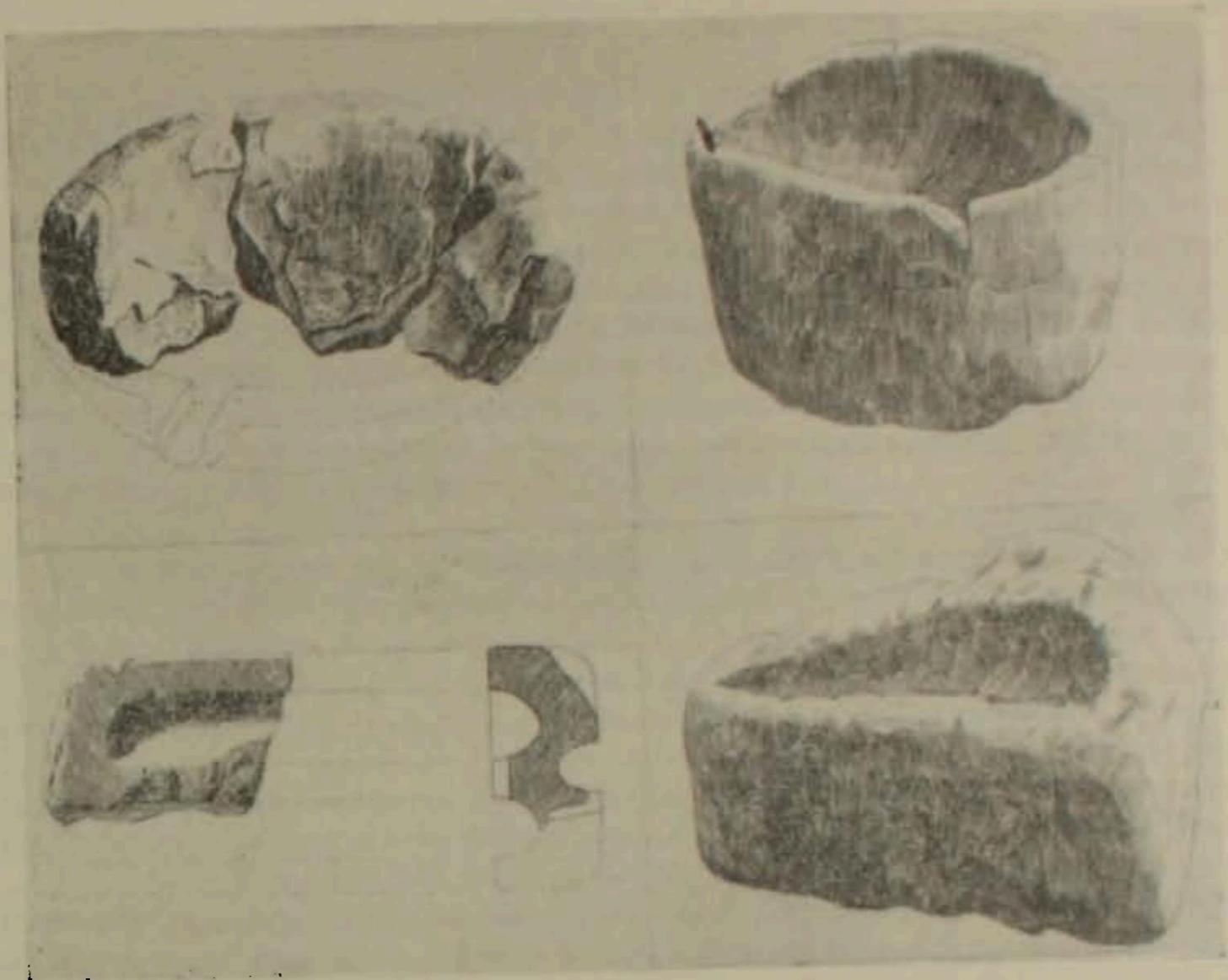
Границы территории Тейшебани также образуют мощные оборонительные стены трехметровой толщины, имеющие мелкие контрфорсы, башенки и выступы, которые ограждали город почти со всех сторон, прерываясь лишь на тех участках, где имелись естественные преграды. Стены заключали в себе не только территорию города, но и всю цитадель. Внутри городской черты имелись стены оборонного значения. Фасады многих домов не имели башен, контрфорсов, профилированных элементов, столь характерных для крепостного комплекса или богатых особняков; даже ворота—и те не выходили на улицу. Поэтому улицы оформлялись выходящими на них глухими стенами и напоминали узкие и длинные коридоры, очень характерные для многих древневосточных городов и поселений Эгейского мира (поселения у Ферми на острове Лесбос и Полиохни на острове Лемносе). Прямые улицы шестиметровой ширины, тянувшиеся с запада на восток и с севера на юг, создавали картину прямоугольной сетки. Между пересекающимися улицами или переулками, вливающимися в широкие улицы, располагались кварталы жилых домов, пристроенных один к другому, или группы обособленных больших и малых домов, также образующих кварталы⁴.

II. ОСТАТКИ ЖИЛИЩ ДОУРАРТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Недалеко от рассмотренного большого урартского здания, к западу от него, под фундаментом другого дома в 1959 г. случайно было обнаружено ямное доурартское погребение с остатками человеческого скелета, с донными частями чернолощенных бомбовидных сосудов и миниатюрным бронзовым копьем, имеющим многочисленные параллели в археологических комплексах древней Армении, а также среди тех образцов северо-кавказского оружия, на закавказское происхождение которых указывал еще А. П. Круглов (археологические материалы Кизикумского и Гунибского округов Дагестана)⁵. Следует здесь же отметить, что в огромной яме под полом помещения

⁴ См. А. А. Мартиросян. Город Тейшебани, стр. 111—127.

⁵ См. А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до нашей эры. МАИ СССР, 68, стр. 74, а также стр. 62 и сл., рис. 14.

Орудия литейщика. Нижний слой поселения (рис. Б. Арзуманяна).

Образцы керамики доурартского поселения (рис. Б. Арзуманяна).

№ 5 второго доурартского комплекса жилищ был обнаружен богато украшенный сосудик, также имеющий свои параллели в материалах В. И. Долбежева из указанных районов Дагестана. К востоку от большого урартского дома, на дне глубокой траншеи (2 метра), была обнаружена группа глиняных фрагментированных сосудов (1958 г.), принадлежащих к типу чернолощеных горшков, каковые встречаются в керамических комплексах погребений ворнакской группы, относимой нами к концу XII—XI вв. до н. э. Наконец за восточной оградой города Тейшебаини при строительных работах 1961 г. было обнаружено фаллическое каменное изваяние с орнаментированной поверхностью.

Выявление древних слоев, залегающих под развалинами центральных и периферийных кварталов города Тейшебаини, не оставляет сомнения в обширности площади доурартского поселения, разновременные жилые комплексы которого были исследованы еще в 1957—1958 гг.

В целях выяснения картины стратиграфического залегания доурартских слоев Кармир-блур, в 1959—1960 гг. на опушке рощи, у правого крыла упомянутого выше сильно разрушенного урартского дома, исследовался большой квадратный шурф площадью около 70 квадратных метров и глубиной в 5 метров. Шурф дал интересную схему вертикального профиля, в котором было зафиксировано следующее чередование слоев по ходу углубления раскопа:

Первый, наиболее верхний слой состоит из остатков урартских кладок метровой высоты и чистой строительной глины. Закладка этого слоя может быть отнесена к периоду не позднее середины VII в. и не ранее второй четверти VIII в. до н. э.

Второй (первый доурартский) слой мощностью до 80 сантиметров представлял собою часть доурартского жилища, заполненного рваным камнем и галечником для площадки урартского сооружения. На уровне этого слоя обнаружена кладка стены (у восточного среза шурфа), подпирающей снизу часть внутригородской урартской ограды и опирающейся южным концом на более древнюю кладку. Появление строительных остатков этого слоя относится к позднему периоду существования доурартского родового поселения, а разрушение их произошло, вероятно, во второй четверти или в середине VIII в. до н. э.

Третий слой, также метровой мощности, содержал остатки кладки юго-восточного отрезка какого-то прямоугольного помещения, углубленного в материк на всю высоту каменной кладки (1 метр). Слой насыщен всевозможными остатками материального производства доурартского периода и может быть отнесен к X в.

Четвертый слой имеет каменную кладку в восточном срезе раскопа, расположенную на расстоянии 1,3 метра от материкового дна раскопа и на глубине 0,7—0,8 метра от нижней отметки третьего слоя. Этот слой отличается богатством археологического материала.

Культурный слой, продолжающийся ниже последней кладки, был насыщен угольями и золой, особенно в западной возвышенной части материкового пола, где были выявлены остатки плавильных тиглей, обломок каменной формочки для отливки бронзовых стержней, ошлакованные крицы железа, каменные орудия и прочие вещи, указывающие на выделку металлических изделий в пределах доурартского поселения Кармир-блур.

Последние, наиболее глубокие слои доурартского поселения относятся, по всей вероятности, к двум столетиям конца II тысячелетия до н. э.

Таким образом, в вертикальном разрезе прямоугольного большого шурфа зафиксированы урартский и четыре доурартских строительных горизонта. При этом глубина слоя с урартскими строительными остатками составляет в среднем 1 метр, в то время как мощность доурартских культурных напластований равна 4 метрам. Это, несомненно, свидетельствует о гораздо более длительном существовании родового поселения по сравнению с урартским городом, хронологический диапазон которого может быть определен в 100 лет при самом строгом подсчете, со времени правления царя Русы, сына Аргишти (685—645) до гибели Ванского царства (590—585). Эта хронологическая фиксация может быть применена и в отношении четырех доурартских слоев, возраст которых составит примерно четыре столетия с момента первого основательного раз-

рушения доурартского поселения, что произошло, несомненно, при походе Аргишти I. разгромившего много населенных пунктов Арартской равнины в середине и конце 80-х годов VIII в. до н. э.

Согласно приведенным выше данным, доурартское поселение Кармир-блур существовало примерно с конца XIII в. до первой четверти VIII в., охватив, таким образом, весь период развития позднебронзовой и раннежелезной культуры.

Выдвинутая хронологическая схема, основанная на данных стратиграфии и урартских клинообразных надписей, может быть подкреплена прослеживанием путей конкретных сдвигов в материальном производстве, хотя здесь нет очень строгого послойного разграничения материала, за исключением трех вариантов женских идолов, детали которых меняются в зависимости от слоя или места их находки, т. е. в зависимости от времени, к которому они принадлежали. Так, при расчистке самых нижних слоев прямоугольного шурфа было найдено множество фрагментов женских идолов примитивных образцов (27 штук), лишенных резьбы и деталей лица, принадлежащих к типу хорошо сохранившихся в древнейших жилищах округлого плана, открытых в 1957—1958 гг. Идолы или их крупные фрагменты, покрытые резным рисунком ветки или дерева, оказываются преимущественно в завалах древних ям, а наиболее совершенные варианты идолов с детализацией лица выявляются или в верхних слоях шурфа, или в помещениях второго комплекса доурартских жилищ, которые относятся ко второму периоду существования родового поселения. Очень выразительные фрагменты идолов позднего типа были выявлены в 1960 г.

Нам приходилось отмечать ранее, что локальная группа новонайденных идолов Армении олицетворяет культ плодородия, культ богини-матери и входит в обширную группу почти аналогичных изваяний Эгейского мира, Передней и Малой Азии⁶. После доклада проф. Гиршмана на XXV Международном конгрессе востоковедов выяснилось, что идолы, вполне соответствующие наиболее примитивным образцам доурартского поселения Кармир-блур, были обнаружены на берегах Персидского залива, где они обычно не встречаются. Датируя идолы Ирана XIII веком, проф. Гиршман подтвердил выдвинутую нами ранее датировку для древнейшей группы идолов Армении, а следовательно, и наиболее ранних слоев родового поселения Кармир-блур. Этот хронологический рубеж соответствует времени V города Трои⁷, в пределах которого отмечены идолы, морфологически очень близкие к армянским и имеющие свои параллели в Иордане, Киме, Аладже и Кюль-Тепе⁸. Отмеченная группа анатолийских идолов в XIII в. исчезает, в то время как идолы Армении продолжают существовать вплоть до раннеурартского периода. Речь идет о группе идолов второго жилого комплекса доурартского поселения, залегающего непосредственно под развалинами урартских сооружений.

Таким образом, рассмотрение стратиграфических данных и типологический анализ большой группы идолов приводит к определению хронологических рубежей доурартского поселения Кармир-блур в пределах конца XIII — начала VIII в. до н. э.

Замечательный глиняный идол, фаллическое изваяние и фалловидный идол с мужским лицом и обозначением детородного органа с оборотной стороны, обнаруженные группой молодых археологов Института археологии и этнографии АН Армянской ССР (Л. Барсегян, А. Исраелян, Ж. Хачатрян) вместе с керамическими комплексами XIII—VIII вв. при обследовании циклопической крепости, поселения и могильника в окрестностях селения Верин Зейва, полностью подтверждают датировку доурартского поселения Кармир-блур. Количество случайно обнаруженных фаллических изваяний и женских идолов в последнее время сильно увеличилось. Эти важные атрибуты культуры

⁶ См. А. А. Мартиросян. Идолы из раскопок Кармир-блур. «Историко-филологический журнал», Ереван, 1958, стр. 115 и сл.

⁷ См. H. Schliemann. *Ilios*, стр. 399, рис. 200—201; его же, *Mykenae*. London, 1878, табл. XVII, рис. 94, 96, стр. 80—81, рис. 111—113.

⁸ См. K. Bittel. *Prehistorische Forschungen in Kleinasien*. Istanbul, 1934, стр. 40—41.

плодородия указывают на повсеместное почитание богини-матери на территории Армении: период поздней бронзы и раннего железа. Одна из новых находок происходит из Дзироваканского района, другая — из Двина, третья — из Зангезура и т. д. В Государственном историческом музее АН Армянской ССР хранится замечательная женская фигура, изготовленная из черного туфа, представляющая собою образец довольно развитой скульптуры древней Армении. Происхождение и датировка фигуры пока не известны.

Упомянутые выше археологические предметы представляют незначительную часть материалов, добытых раскопками древнего поселения Кармир-блур в 1959—1960 гг. и характеризуют уровень развития различных отраслей земледелия, скотоводства и ремесел.

Наиболее важная группа находок была сконцентрирована в нижнем слое прямоугольного шурфа, на глубине 4—5 метров от дневной поверхности, насыщенном остатками золы, угля, всевозможных каменных и глиняных орудий, имеющих прямое отношение к металлообрабатывающему ремеслу. В эту группу входят значительные фрагменты пяти очень грубых глиняных тиглей, которые отличаются друг от друга в диаметре, толщине стенок, по глубине, а следовательно, и по вместительности. Эти тигли принадлежат к типу среднего размера простых полушарных тиглей с расширяющимися наружу стенками и удобным сливом, изготовлены из местной грубоватой серой глины с большим содержанием кремнезема (59,23 процента), с окисью алюминия, железа, магния, кальция и пр., словом — из глины, не совсем огнеупорной, но вполне пригодной для технических производственных целей. Очень крупный тигель с удобным сливом оказался найден под полом урартского помещения в цитадели и принадлежал, несомненно, к группе орудий доурартского поселения. Растрескавшиеся, сильно ошлакованные и закопченные стенки всех тиглей имели с внутренней стороны значительное наслоение зеленоватого металлического осадка. Спектральный анализ этих остатков, произведенный в Институте геологических наук АН Армянской ССР, показал содержание в них незначительной (вероятно, естественной) примеси никеля (0,03), молибдена (0,03), свинца (0,02—0,1), серебра (0,003), сурьмы (0,01), мышьяка (0,01—0,03), цинка (0,01—0,03) и многочисленных других элементов. При этом процент меди составлял более 50, процент олова — от 1 до 3. В данном случае мы имеем, по видимому, бронзу с искусственной присадкой олова до 3 процентов. Такая бронза является наиболее удобной (не ломкой, но прочной) для изготовления всевозможных изделий, в том числе и орудий труда.

Наряду с рассмотренными тиглями был найден фрагмент литейной двусторонней формочки для отливки металлических стержней типа обнаруженных ранее глиняных формочек в могиле бронзолитейщика в окрестностях Сисиана⁹. Задолго до расчистки нижнего слоя прямоугольного шурфа на территории Кармир-блур были обнаружены базальтовая массивная форма для отливки бронзовой секиры закавказского типа и туфовая большая форма для отливки бронзовых слитков. Нам кажется, что именно с этими предметами функционально связаны многочисленные каменные ступочки с осадками металлической пыли на стенках, молоты, песты, топоровидные орудия, оказавшиеся вместе с ними раскопаны вместе с остатками тиглей.

Значение перечисленных выше находок заключается в том, что они являются первым достоверным свидетельством самого процесса металлообработки, вступившей в новую фазу развития, когда отдаленность пунктов производства металлических изделий от горноудольных баз не имела большого значения.

Это важное изменение эпохи поздней бронзы в бронзолитейном ремесле сопровождалось значительным явлением, а именно освоением обработки железа, явные свидетельства которого были добыты также в самом глубоком напластовании прямоугольного шурфа. Еще при раскопках первого помещения в 1953 г. было обнаружено несколь-

⁹ Раскопки М. С. Асратяна. Материал не опубликован, хранится в Гос. историческом музее АН Арм. ССР.

ко странных кусков металлической массы, имеющих дисковидную форму, плоскую с одной стороны и округлую — с другой. В 1960 г. более 20 кусков металлической массы было выявлено в наиболее нижнем слое, поблизости от каменной бронзолитейной формочки и фрагментов глиняных тиглей. Спектральный анализ пробы металлической массы показал более 10 процентов содержания железа, а химический анализ показал 50,47 процента. Естественно, при восстановительном процессе в упомянутых металлических массах оказался бы гораздо более высокий процент железа, а это значит, что в период возникновения древнего поселения Кармир-блур, в конце XIII и в XII вв. до н. э., железо было уже освоено, тем более, что оно найдено здесь в виде полуфабриката, а не готового изделия, в котором можно было бы усматривать продукт импорта. Последние находки Кармирблурской экспедиции не оставляют сомнений в том, что в конце II тысячелетия на территории Армении, как и в большинстве сопредельных районов Передней и Малой Азии, было налажено производство железных изделий, главным образом предметов вооружения и украшения, которые продолжали считаться очень драгоценными и на первых порах клались лишь в гробницы представителей родоплеменной знати.

Базой для развития металлообработки и других ремесел в этом и в других поселениях Араратской равнины служили основные отрасли хозяйства — земледелие и скотоводство, интенсивное развитие которых достаточно полно характеризуется археологическим материалом, добытым раскопками позднего (X—VIII вв.) комплекса доурартских жилищ, открытых в 1960 г. Три помещения из этого комплекса были открыты в 1958 г. В 1960 г. продолжались раскопки трех новых помещений и исследование старых. Характерными деталями этих жилищ являются двойные или тройные полы, зерновые и хозяйственные ямы, каменные цокольные ряды стен, глинобитный верх, отсутствие многоугольных или округлых помещений, прямоугольная планировка жилых и хозяйственных площадей, наличие идолов и их фрагментов с детализированной лицевой частью и т. д. Анализ строительных деталей и археологического материала позволяет установить синхронность всего этого комплекса с верхними культурными напластовками прямоугольного шурфа.

Археологический материал, добытый раскопками этих помещений, углубляет данную нами ранее характеристику основных отраслей хозяйства поселения. При изучении остеологического материала 1960 г. (в объеме 150 анатомических единиц) были определены следующие виды домашних животных: корова (*Bos indicus*), вол (*Bos taurus*), коза (*Capra domestica*), свинья (*Sus scrofa*), лошадь (*Equus caballus* L.), а также остатки восьми особей овец (*Ovis arles*). При количественном анализе этих остатков выявляется преобладание крупного рогатого скота, что обеспечивало высокую калорийность пищи в равнинных условиях. Зоологом С. Межлумян было отмечено, что соотношение между обломками костей, относящихся к правой или к левой частям скелета животного, составляет приблизительно 1 : 4. Это, вероятно, означает, что определенные части правой стороны туши животного употреблялись для жертвенных целей.

Огромное количество сосудов, остатки которых обнаружены в обследованных помещениях, служило для обработки и хранения продуктов животноводства (масла, молока, сыра и пр.). Потребностями расширяющегося скотоводства обуславливалось не только развитие гончарного производства, но и прогрессирование ткацкого, кожевенного и других ремесел, остатки которых выявлены в поселении. Ряд других данных характеризует также высокий уровень зернового хозяйства поселения. Об этом свидетельствует прежде всего многочисленность вместительных зерновых ям и обломков крупных карасов для хранения зерна, больших зернотерок, ступ и других орудий. При раскопках 1959—1960 гг. были выявлены комки проса, обуглившихся зерен ячменя.

Обильный, типичный и многообразный керамический материал поселения связывает его с целым рядом погребальных и бытовых памятников на территории Армении, ареал которых все более расширяется. Чернолощеные горшки (в фрагментах), украшенные бычьими головами, округлые светло-глиняные крупные горшки с семечковым гребенчатым и резным орнаментом, гофрированные и каннеллированные сосудики с фигур-

ными ручками, фрагменты сосудов с резными треугольными шевронами имеют свои близкие аналоги в одном из нижних слоев города Двина, на поселении и в могильнике у Зейвы, в материалах поселения на Зодском перевале, у границы Армении с Азербайджаном, а также в чрезвычайно интересных и своеобразных комплексах Зангезура. Именно в последнее время в окрестностях Каджарана и Гориса были выявлены фаллические изваяния, пятиликий идол, сосуды типа древнего поселения Кармир-блур, замечательные глиняные «сапожки» ритуального назначения.

Приведенные археологические параллели указывают на то, что в конце второго и начале первого тысячелетия территория Армении была покрыта густой сетью бытовых памятников типа урартского города Тейшебани и культурных слоев доурартского поселения. Серийное изучение этих замечательных памятников, давно стоящее в повестке дня, привело бы к воссозданию богатой картины культуры, хозяйства, быта и социальной структуры общества, заложившего основу культуры армян.

ՆՈՐ ՏՎՅԱԼՆԵՐ ԹԵՅՇԵՔԱՆԻ ՔԱՂԱՔԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՎԵՐԱԵՐՅԱԼ

Ն. Ն. ՄԱՐՏԻՐՈՍՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Թեյշեբանի քաղաքի բնակելի թաղամասերի երկարամյա սխտեմատիկ պեղումները մեծ հետաքրքրություն են ներկայացնում մ. թ. ա. VIII—VII դդ. ուրարտական քաղաքների ճարտարապետական ձևավորման ու առանձնահատկությունների, նրանց սոցիալ-տնտեսական կազմակերպության, կենցաղի ու քաղաքային կյանքի այլևայլ կողմերի ուսումնասիրության տեսակետից:

Մինչև 1959 թ. մասնակի ուսումնասիրության են ենթարկվել Թեյշեբանիի զլխավոր փողոցի երկայնքով տեղադրված հինգ թաղամասերի փլատակները: 1959 թ. սկսվեց քաղաքի հարավ-արևելյան և հարավ-արևմտյան թաղամասերի հետազոտությունը: Իր պատմահնագիտական նշանակությամբ առանձնապես աչքի է ընկնում հարավ-արևմտյան թաղամասը: Այստեղ դիտվում են առնվազն վեց խոշոր առանձնատների մնացորդներ: Այժմ մանրամասն ուսումնասիրվում է դրանցից մեկը, որը դիտվում է որպես ուրարտական քաղաքացիական ճարտարապետության հազվագյուտ նմուշ: Շինության շորս բաժիններից յուրաքանչյուրը բաղկացած է 10 սենյակներից՝ քառասյուն դմբեթավոր զահլիճներից, բնակելի սենյակներից, տնտեսական բաժիններից, միջանցքներից և այլն: Ուսումնասիրվող շենքն իր ճարտարապետական ձևավորմամբ, առանձնահատկություններով ու մանրամասներով նման է Տուշպա (Վան) քաղաքի ուրարտական երկհարկանի շենքին: Այն չունի ուղղակի զուգահեռներ Առաջավոր Ասիայի ճարտարապետության մեջ, սակայն հատակադժային, կոնստրուկտիվ և այլ հատկանիշներով մերձենում է Բիտ-խիլանի (Իերիխոնի պալատ) և Թել-Թաինաթի (Անտիոքի հովտի) կառույցներին: Ըստ երևույթին հետազոտվող հարավ-արևմտյան թաղամասը պատկանել է քաղաքի իշխող տարրին, սազմա-ստրկատիրական ավագանու ներկայացուցիչներին: Պեղումների ընթացքում հայտնաբերված նյութական մշակույթի առարկաները իրենց համոզիչ զուգահեռներն ունեն միջնաբերդի հնագիտական հարուստ նյութի մեջ և ցույց են տալիս, որ քաղաքի այս թաղամասը կառուցվել է միջնաբերդի հետ միասին կամ նրանից մի քիչ շուտ:

1959—1960 թթ. շարունակվում էին նաև նախաուրարտական բնակավայրի շինարարական II կոմպլեքսի կացարանների պեղումները, որոնց մի մասը լույս աշխարհ էր հանված Թեյշեբանիի կենտրոնական հատվածի ուրարտական շենքերի տակից դեռևս 1958 թ.: Ինչպես հետազոտվող, այնպես էլ նախկինում պեղված շինարարական առաջին կոմպլեքսի ամենաբնորոշ գիծն այն է, որ նրանք ներկայացնում են պատրիլոկալ բնտանեկան մեծ համայնքների իրար կից կացարանների առանձին թաղեր, որոնցից և բաղկացած էր նախաուրարտական ամբողջ բնակավայրը: Յուրաքանչյուր փոքր բնտանիք զբաղեցնում էր կացարանների մի ուրույն խումբ՝ բնտանեկան հատուկ կուրորով, հացահատիկի հորերով և պահեստ-կարաններով:

Կացարանների ու դամբարանների պեղումների ընթացքում հայտնաբերված հնագիտական նյութը ցույց է տալիս, որ այստեղ բնակվել են երկրագործներ, որոնց մոտ, սակայն, բարձր

զարգացման են հասել տնտեսության այլևայլ ճյուղեր, այգ թվում անասնապահությունը և մետաղամշակությունը: Առանձնակի հետաքրքրություն է ներկայացնում մետաղագործությանն ու մետաղաձուլությանը վերաբերող նյութերի խումբը, որը հայտնաբերվել է 3-րդ տեղամասի ամենահին շերտում (XIII դ. վերջ XII դ.) և վկայում է ոչ միայն բրոնզագործության բարձր մակարդակը ուրարտացիներից 4—5 հարյուրամյակ առաջ, այլև երկաթի մշակման առկայությունը առնվազն XII դարից (մ. թ. ա.) սկսած, մի հանգամանք, որը չափազանց հաճախ է կասկածի ենթարկվել:

Մետաղամշակության, բրուտագործության, արվեստի առարկաների արտադրության նյութեղեն մնացորդները վկայում են կուլտուրական այն լայն հարաբերությունների մասին, որոնցով տեղաբնիկ ցեղերը կապված են եղել ինչպես միմյանց, այնպես էլ հեռավոր ցեղերի ու ցեղախմբերի հետ: Կանաչի կուռքերը, բրոնզյա նիզակները, խեցեգործության առանձին նմուշներն իրենց համանմաններն ունեն Պարսից ծոցի ափերին, Հյուսիսային Կովկասում, Փոքր Ասիայում և այլուր հայտնաբերված հնագիտական նյութերի մեջ: Այս բոլոր նյութերի համեմատական ուսումնասիրությունը, ինչպես նաև նախաուրարտական կառույցների մեկը մյուսին հաջորդող շորս կուլտուրական շերտերի ուղղաձիգ դասավորությունը կասկած չեն թողնում, որ նախաուրարտական երկրագործների բնակավայրում կյանքն ավելի է հարատևել, քան Թեյշեբաինիում: Կարելի է պնդել, որ այդ բնակավայրը սկիզբ է առել մ. թ. ա. XIII դ. վերջերին և հրով ու սրով ավերվել VIII դ. առաջին քառորդում, երբ Արգիշտի I-ի զորքերը գրավեցին Արարսի ձախափնյա մասերը: